

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

СВЯТЫНИ ЕЛЕОНА

(по запискам русских паломников)

Часть 3

Гефсиманский сад в записках Евгения Маркова (1891 г.)¹

Евгений Львович Марков родился и вырос в родовом имении Патебник Щигровского уезда Курской губернии и принадлежит к одному из трех дворянских родов Марковых, ведущему свое происхождение от литовского дворянина, перешедшего на службу к российскому государю и получившему в XVII веке поместья около города Курска. Окончил Курскую гимназию, затем Харьковский университет (1857). В 1862 (или 1865) году он был назначен директором Симферопольской гимназии. Впоследствии занялся земской деятельностью; был управляющим Воронежским отделением дворянского и крестьянского земельных банков; много путешествовал по Европе и странам Востока.

Теперешний Гефсиманский сад заключает в своей белой каменной ограде только небольшую часть обширного сада евангельских времен... «Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его, свидетельствует Иоанн Богослов. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками своими». Теперь во всем саду только восемь одряхлевших маслин тысячелетней древности с рассеянными всеохватными стволами и тощей седой листвой. Эти ветхозаветные старцы действительно могли быть свидетелями евангельских событий...

Мы видели потом в Палестине и Галилее много масличных деревьев, с которыми связаны легенды глубочайшей древности но масличин такой исполинской толщины и такой очевидной древности не встречалось нам нигде. Это какие-то нерукотворные башни, сплетенные из несокрушимых растительных жгутов, будто из железных канатов. Средневековые столпники могли бы обитать в их громадных дуплах. Впрочем, есть и исторические основания подтверждающие глубокую древность гефсиманских масличин. При Шатобриане они платили туркам подати всего по медину от корня, между тем как все другие маслины Палестины были обложены половиной своего сбора... Такой льготой по турецкому закону пользовались только те масличины, которые захватил халиф Омар при своем первом завоевании Иерусалима. Стало быть, масличины эти уже давали плоды по крайней мере с VII века по Рождестве Христовом.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 98—101.

Маститые великаны растительного мира исполнены особенной меланхолической поэзии... Словно последние уцелевшие ветераны 20-тивековой истории, они стоят здесь дремлющими стражами ее священных теней... Хотя был яркий солнечный день, но мне невольно вспомнились и будто нарисовались сами собой знакомые картины художников, изобразивших талантливой кистью знаменательную ночь, когда под безмолвной тенью этих уединенных древесных старцев совершилась величайшая драма христианства...

«И взял с собою Петра, Иакова и Иоанна, и начал ужасаться и тосковать», и сказал им «душа Моя скорбит смертельно!»... описывает немногословный Марк эти минуты последней внутренней борьбы Христа на рубеже великого подвига...

«Отец Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты!»... «И находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю»...

Наш известный художник Ге воссоздал своей известной картиной не только молящегося Христа, но и старый масличный сад Гефсимании, в котором Он молился... Таинственный свет луны перепалзывает целой сетью мигающих кружков, сквозь просветы листьев, по одеждам и лику Спасителя. По скатам горы стоят, утопая в свете южной лунной ночи, вековые стволы масличин... Христос один на коленях, лицом от месячного света, весь темный и мрачный, бросающий от себя темную и мрачную тень... Тут все реально: и свет луны, и сад, и черты еврея в лице Христа, и подавленное настроение духа, ужаснувшегося перед грядущим подвигом... Все человеческое, слабое, оробевшее, истекающее кровавым потом, — здесь налицо... Тут нет только одного божественного вдохновения, которым было побеждено минутное слабодушие плоти, — нет, стало быть, главного, внутреннего смысла таинственной ночи Гефсиманского сада...

Я вспомнил, стоя в этом саду и другую, тоже известную, картину, украшающую Императорский Эрмитаж Петербурга... На старой картине профессора Бруни уже нет реальных подробностей художника шестидесятых годов... Черная ночь кругом, и ничего не видно, кроме ярко освещенного молящегося лика Христа и Его молитвенно сложенных рук... Среди тьмы ночи сияет перед Ним в воздухе роковая чаша, о которой молится Он... Чаша эта, конечно, не реальна, не правдоподобна, ибо всякий ребенок знает, что Христос только иносказательно называл чашей предстоявший Ему крестный подвиг...

Но удивительное дело: на реальной картине художника натуралиста вы видите только лунный свет в саду, да мрачную фигуру иудейского говорщика, обдумывающего свой решительный шаг, и ничего больше. А на неестественной картине классика-профессора вы вдруг действительно видите вдохновенную и скорбную молитву Христа, готового совершить величайший подвиг любви, видите живую страницу Евангелия, воплощенную в полотно художника...

Теперь сплошные ковры заботливо взлелеянных цветов устилают камни у корней старых маслин, на который капали когда-то кровавые капли Христа. Итальянцы-минориты обратили всю почву евангельского сада в один цветник и зорко охраняют от истребления малейшую веточку исторических деревьев, отделив их даже от остального сада особой проволочной решеткой. С трудом дали нам, за изрядное вознаграждение, крошечную веточку священной маслины. Зато цветами, выросшими в их тени, монахи награждают обильно сколько-нибудь щедрых богомольцев.

Кругом проволочной решетки, преграждающей толпе доступ к этим маститым евангельским памятникам, идет дорожка, с правой стороны которой, в особых шкафчиках за стеклом, помещены в последовательном порядке, с подобающими надписями, рельефные изображения всех страданий Христовых... Богомольцы-простолудины не отрывают глаз от этой популярной и наглядной священной истории. Посредине круговой аллеи в особой нише из деревьев и цветов, стоит пре-

красная беломраморная статуя во весь рост Христа молящегося о чаше, — вполне уместная в тени гефсиманских маслин...

Но, странная вещь, душе моей хотелось видеть совсем не то, что я видел здесь... Все эти изящные цветнички, раскрашенные галерейки, мраморные статуи невольно отгоняют мысль далеко от того пустынного черного сада, в чащах которого когда-то укрывались по ночам нищенствующее галилейские рыбаки... Запустелый угол горы Масличной, покрытый вековыми деревьями, заросший бурьянами, обнаживший знойному солнцу свои безлюдные камни, — гораздо полнее перенес бы мое воображение во времена и обстановку евангельских событий, чем этот цветник-часовня, на-свежо отделанный, замкнутый под ключ и тщательно охраняемый монахами, собирающими с него доход...

Самое место молитвы Христа, куда Он удалился от апостолов «на вержение камня», предполагается в глубокой пещере, выделенной теперь из ограды Гефсиманского сада... В пещере этой храм, украшенный мраморами и позолотой и тоже принадлежащий итальянским монахам. Там все проникнуто воспоминаниями о горчайшем часе; везде изображения чаши и Спасителя, изнемогающего в молитве; на полу храма показывают место, где капли крови кровавого пота Христа растопили холодный камень и прошли насквозь, как капли огня сквозь кусок воска... В нескольких шагах от этой пещеры, три камня, на которых, по преданию, спали три апостола...

Гефсиманский сад в записках Власа Дорошевича (1900 г.)²

Влас Михайлович Дорошевич (1864—1922), журналист, сотрудник московской газеты «Русское слово». С юности его притягивала мудрость Востока, которую он всю жизнь постигал в путешествиях... Углублявшаяся государственная трагедия России превращалась в его личную трагедию. Он пытался призвать власть и либералов к реформам, которые могли бы предотвратить сползание страны в революционную катастрофу. Личности Ленина он посвящает памфлет «Стенько-Разинщина», в котором рисует «Разина наоборот», который «для разрешения всех вопросов» знает лишь одно средство — «Сарынь на кичку!». Он взывает к последней надежде, «здравому смыслу», который — «велик Бог земли русской! — удержит страну на краю гибели, гражданской войны». Но голос его не был услышан, здравый смысл не оказался Богом России. Страшные параллели, которые он проводил во время своих лекций о Великой французской революции хотя и понимались чуткой публикой, но не могли повлиять на события. И тогда он замолчал. Гражданская война, братоубийство — это без него, хотя и зазывали с разных сторон. Одинокое сидение в Севастополе и отказ сесть на один из уходивших врангелевских кораблей. В феврале 1922 года в холодном и голодном Петрограде за гробом человека, которого читала вся грамотная Россия, шли четверо — вдова, актриса Ольга Миткевич, дочь Наташа, актер Павел Орленев и журналист Арнольд Гессен, будущий автор популярных книг о Пушкине³.

Вечер, как всегда на юге, наступал быстро. Сгущались сумерки. Тень Сиона и Иерусалима покрыла собой Иоасафатову долину, поднималась на противоположной стороне по Элеонской горе все выше и выше. Мрачная долина Иосафата, долина смерти, где, по преданию, будет происходить Страшный суд, была наполнена мраком. Словно призрак, белел в глубине, у Кедронского потока, памятник Авессалома. Лишь на вершине Элеонской горы сверкал еще последний золотой луч заката.

² Дорошевич В. В Земле обетованной. (Палестина). М., 1900. С. 59—65.

³ Букчин Семен. «Смейтесь, чтобы не плакать» // Новая газета, № 6, 23. 01.2015. С. 22.

Здесь темной ночью, после Тайной Вечери, проходил Христос. Узенькая тропинка вьется змейкой по крутым склонам гор, идет по краям обрывов. Наверху чернели стены Иерусалима, молчаливого, заснувшего. Спало все. Не спали только в ту ночь ненависть и любовь. Христос шел по этой узенькой тропинке, направляясь в Гефсиманский сад. Спаситель любил Элеонскую гору, с масличными садами, покрывавшими ее склоны. Он часто удалялся сюда от шума суетного города. Он удалился сюда в тишину этих садов, плакать и молиться и в ту ночь, предшествовавшую Его страданиям. Его взяли на том месте, которое Он так любил.

Остатки Гефсиманского сада принадлежат теперь католикам. Здесь сохранилось восемь деревьев, про которые предание говорит, что они уцелели с того времени. Восемь старых масличных деревьев, с дряхлыми, растрескавшимися стволами. Они слышали вздохи смятенной души, доносившиеся с того места, где молился Христос. Зелень масличных деревьев всегда покрыта белым налетом. И ветераны-деревья кажутся седыми от старости. Сад окружен высокой каменной стеной. Этих безмолвных свидетелей великой ночи приходится защищать стенами, решетками, металлическими сетками от вандализма поклонников и туристов, желающих унести веточку на память.

Вы входите за ограду сада и останавливаетесь, неприятно пораженный. Зачем все это? Разве нуждалось такое место в украшениях? Почему ему не дали уцелеть в его первобытном виде, в том виде, в котором оно было, когда здесь молился Христос? В тысячу раз было бы красивее, трогательнее, прекраснее, если бы простой зеленый ковер покрывал пространство между деревьями. Этот уцелевший уголок Гефсиманского сада превратили в цветник. Он производит впечатление музея. Около каждого дерева разбита клумба цветов, и каждая клумба окружена каменной оградой. Словно витрины. Дорожки, мощеные камнем. Все это производит впечатление банальной, шаблоннейшей рамы, в которую зачем-то вставили картину дивной, редкой, божественной красоты.

Недалеко от этого уцелевшего уголка Гефсиманского сада находится принадлежащий католикам же грот, который предание называет местом моления о чаше. Около входа в сад, в глубине узенького коридорчика, в стене видна сломанная колонна пожелтевшего от времени мрамора. Здесь, по словам предания, Иуда подошел ко Христу, со словами:

— Радуйся, равви!

По дороге между гротом и остатком этой колонны, из земли выступают два огромных пласта каменной скалы. Здесь, по словам предания, оставались апостолы, пока Спаситель молился невдалеке. Сюда подходил Христос и, видя учеников спящими, говорил им:

— Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение; дух бодр, плоть же немощна.

Еще недавно это место, такое священное по преданию, было свидетелем печальных событий. Дух любви далеко, о, далеко не всегда живет здесь, около этих священных мест. Представители различных христианских вероисповеданий всеми силами стараются захватить себе места, освященные преданиями. Года три тому назад католические монахи хотели обратить эти камни в свою собственность и обнесли их стеной. Греки сочли это незаконным захватом и явились разрушать стену. Произойшла свалка, во время которой были пущены в ход даже револьверы.

В конце концов, в дело вмешались турецкие власти. Стену снесли, камень апостолов и колонна, где был предан Христос, были объявлены местами, принадлежащими одинаково всем вероисповеданиям, и только таким образом удалось водворить спокойствие и тишину в месте, где даже шум шагов кажется профанацией священной тишины, полной таких воспоминаний.

Католическое духовенство очень любезно разрешило мне провести несколько часов вечером в этом священном уголке. Испанец, францисканский монах, с глубоким поклоном пожелал мне покоя и мира и удалился свою келью, увитую плю-

щом, закрытую пышно разросшейся сиренью. Я остался один с глазу на глаз с великим прошедшим.

На вершине Элеонской горы погас последний луч заката. В небе вспыхнули бледные звезды, они разгорались все ярче и ярче и ночь засверкала своими бриллиантами. Наступила тьма. В ней исчезла вся эта шаблонная рамка чудной картины: клумбы, изгороди, решетки, дорожки. Во мраке вставали только темные силуэты старых оливковых деревьев, словно призраки прошлого. Сад дышал нежным, еле уловимым ароматом цветов. В эту холодную ночь цветы лили нежный, еле слышный аромат со своих чашечек. Было холодно, как в ту ночь, когда слуги первосвященника должны были раскладывать костры, чтобы греться. Было тихо, и когда пробежал легкий ночной ветер, листья старых деревьев тихо тихо шелестели, словно вспоминали и шептались друг другу о том, что они слышали, чему были свидетелями в ту ночь.

Этот шелест листьев над головой, словно шепот неба, доносился с вышины, словно шепот сверкающих звезд. И когда стихал этот шепот, снова воцарялась тишина, в которой погребены слова, раздававшиеся здесь когда-то.

Эти восемь свидетелей того, что было. Они видели несколько темных силуэтов людей, пришедших с той стороны долины, от Иерусалима. Они видели как отделился Один, удалился и пал на колени с мольбой. До них доносился шепот молитвы о чаше. Смущенные они молчали, внимая шепоту, вздохам и стонам, и своей тишиной навевали сон на утомленных апостолов. В благоговейной тишине они внимали скорбной молитве Спасителя мира.

Послышался стук шагов по каменистой тропинке и голоса. Священная тишина была прервана. Под этими деревьями замелькали факелы. Когда их дрожащий свет мелькнул по листьям, казалось, деревья вздрогнули от страха и предчувствия беды. При этом свете факелов они видели все, что произошло дальше. И пораженные мужеством Пленника лица воинов и слуг, и насмешливой улыбкой искаженное лицо предателя, говорившего:

— Радуйся, равви!

И смущенные лица апостолов, и благородное негодование на лице Петра, извлекшего меч на защиту Учителя. И среди этих лиц спокойный лик Спасителя, кроткий и добрый.

— Кого ищете?

— Иисуса Назорея.

— Это Я.

Здесь прозвучал звук поцелуя предателя, того поцелуя, который отравил сомнением все поцелуи мира. Эти безмолвные свидетели слышали полный скорби вопрос:

— Лобзанием ли ты предаешь Сына человеческого?

Своей тенью они покрывали убежавших и видели Христа, оставленного одного среди врагов. По ним в последний раз скользнул красноватый отблеск факелов, и все снова погрузилось во тьму. Яркими точками сверкали удалявшиеся факелы. Замирал стук шагов и голоса, доносившиеся издали, и под этими деревьями воцарилась тишина, в которой было похоронено виденное и слышанное. Лишь когда ночной ветерок пробежал по листве, деревья тихо, смущенно шептались. Словно вздох срывался у них.

И я стоял здесь, на этом самом месте, дрожащий от воспоминаний, окружавших меня. И в сердце просыпался страх, тот невольный страх, который испытываете вы, касаясь стопой священного места. Страх, который испытывал Моисей, подходивший к кусту, который горел и не сгорал. Это было здесь, на этом самом месте. Я глядел на звезды, свет которых доносился так ярко сквозь прозрачный горный воздух. Тогда была такая же тихая, холодная, звездная весенняя ночь Палестины. И нежный аромат цветов поднимался к небу, как тихая молитва Гефсиманского сада.

В «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908) отечественные паломники могли прочесть такие строки: «Недалеко от вертепа Богоматери, по правую сторону дороги, ведущей на Елеонскую гору, указывают остатки Гефсиманского сада, современного Спасителя. Восемь широколиственных маслин глубокой древности, ныне тщательно оберегаемых владельцами этого сада, говорят, произрастают от корней именно тех деревьев, под которыми Господь неоднократно уединялся для отдохновения и молитвы. Среди этих именно деревьев Господь был предан Иудой в руки Своих врагов. Говорят, что евреи предлагали большую сумму денег хозяевам этого сада, чтобы истребить Гефсиманский сад, как историческое место беззаконного предательства и начало позорного Суда над Ним, но доселе не имели успеха»⁴.

В том же 1908 году в Иерусалиме побывал иеромонах Серафим, автор книги «Путевые впечатления». (СПб., 1910). В его записках о Гефсимании неизменно присутствуют восемь священных маслин: «Направо находится тщательно огороженный каменной стеной Гефсиманский сад. Он принадлежит ныне латинянам. В нем находится 8 древних масличных деревьев, отростки древних, которые были зрителями ночной молитвы Богочеловека. Посетив сад, невольно перенесся я мыслью к тому времени, когда здесь в тиши темной ночи, после Тайной Вечери проходил Божественный Учитель и возносил Свои пламенные молитвы до кровавого пота»⁵.

Иеромонах Серафим упоминает и о других памятных знаках, отмечавших евангельские события: «По выходе из сада показали мне камень, на котором, по преданию, Иисус Христос оставил Петра, Иакова и Иоанна, а Сам пошел на молитву. Потом обозрел место моления о чаше; оно обозначено вделанным в стену столбом»⁶.

В записках протоиерея Александра Глаголева (1911 г.) отмечен тот традиционный путь, которым издавна шли паломники к Елеонской горе: «Помолившись у св. Гроба Богоматери и решив еще после побывать здесь, мы направились далее, к горе Елеонской, по небольшому мостику перешли сухое ложе Кедрона, и прежде всего осмотрели место того Гефсиманского сада, где происходило моление Спасителя о чаше. Теперь здесь указывают восемь старых маслин, огороженных железной решеткой и находящихся во владении католиков»⁷.

Вот еще несколько строк того же автора. посвященных Гефсиманскому саду: «Недалеко от этих маслин указывают маленький переулок, имеющий форму буквы П, никому ныне не принадлежащий, где полагают самое место Гефсиманского подвига Христа Спасителя. Вообще же Гефсиманский сад евангельского времени не занимал такого небольшого пространства, какое ныне огорожено католиками, а был раскинут по всему склону горы»⁸. «Внутри сада, кругом по ограде, несколько небольших часовен с рельефными изображениями страданий Иисуса Христа»⁹, — добавляет саратовский паломник Николай Русанов (1911 г.)

Саратовский пешеходец не ограничивается описанием Гефсиманского сада; он подчеркивает его уникальный характер и величайшее значение для спасения человеческого рода от первородного греха.

Много мыслей и воспоминаний возбуждали каждым из нас гора Елеонская и сад Гефсиманский. Сады обыкновенно служат местом приятного отдыха; но не

⁴ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 130.

⁵ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 64.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 54.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 209.

таков был для Господа Иисуса сад Гефсиманский; там источились не чистые струи вод, а потоки кровавого пота; там слышны были не тихое веяние ветров, но вопли и вздохи; не с благоухающими розами, а с дреколями были пришедшие взять Христа. Подвиг внутренней борьбы и страданий начат Христом Спасителем в присутствии избранных апостолов, бывших свидетелями Его Божественной славы на Фаворе, а окончен Им в полном уединении. Мы видим в Гефсимании место отдохновения и сна трех учеников, когда Господь и Учитель их пребывал в молитве и борении, в неизобразимой борьбе с Собою. Приникнем благоговейным взором к месту моления о чаше, и в духе веры и смирения посмотрим, среди какой страшной бури искусительных помыслов и ощущений, среди каких тревог и колебаний душевных провел Святейший Примиритель неба и земли последнюю ночь на земле¹⁰.

Особое внимание автор паломнических записок уделяет словам Спасителя о чаше страданий, обращенных к Богу Отцу: «Моление Спасителя, — *да мимо идет от Него чаша, если это возможно*, наводит на мысль, что, изнемогши под тяжестью креста, Он по естеству человеческому возжелал, чтобы чаша страданий миновала Его. Тяжесть этой чаши как бы преклонила Его обратиться от правосудия Божия к милосердию; при мысли, что Небесному Отцу все возможно, в Божественном Страдальце как бы проявилась надежда, что есть возможность, да идет сия чаша мимо. Эта боязнь страданий и смерти, свойственная человеческому естеству Сына Божия, дает нам понять, как тяжела была предлагавшая Ему чаша страданий. Вместе с этим Господь выразил совершенную преданность воле Отца Небесного, несмотря на противодействие природы. Все это напоминает нам, чтобы в скорбях своих мы были мужественны и тверды и обращались с молитвой к своему Небесному Отцу, всецело предавая себя Его святой воле»¹¹.

В те годы одним из наиболее распространенных в Иерусалиме видов ремесленной паломнической продукции являлись образки, вырезанные на спилах оливок, напоминающих о молении Спасителя в Гефсиманском саду. Многие сюжеты посвящены Крестным страданиям Спасителя и повествуют о событиях Крестного пути, по которому в первую очередь проходили все поклонники Святого Града¹². Ректор Московской духовной академии епископ Арсений (Стадницкий), побывавший в Святой Земле в 1900 году, так описывает свои впечатления от Иерусалима: «Лавки, расположенные на протяжении крестного пути, больше части устроены без окон и без дверей, а освещаются только с улицы. Они или непосредственно соединены с мастерскими, или сами в то же время являются мастерскими, так что, проходя по улице, имеешь возможность наблюдать деятельность в этих мастерских. С улицы видно, как в одном месте столяры работают над изготовлением восточных диванов и других предметов, преимущественно мелких вещиц из оливкового дерева (верблюды-чернильницы, подсвечники, альбомы, трости и т. п.), раскупаемых паломниками на память о Иерусалиме»¹³.

¹⁰ Там же. С. 204—205.

¹¹ Там же. С. 210—211.

¹² Гнутова С. В. Святые места Иерусалима в паломнических реликвиях // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 250.

¹³ В стране священных воспоминаний. Описание путешествия в Святую Землю, совершенного летом 1900 года преосвященным Арсением, епископом Волоколамским, ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 209.

Незадолго до Первой мировой войны Святую Землю посетил паломник Г. М. Добролюбов, оставивший свои записки о палестинских святых.

Георгий Михайлович Добролюбов (1878—1955), будучи моряком, капитаном фрегата Российского императорского флота, находясь в отпуске, по совету патриарха Дамиана, с которым он познакомился на пароходе «Евфрат» в Хайфе, в 1913 году совершил двухнедельное путешествие по святым местам в Палестине. Результатом его явился объемный труд, названный им скромно «Путевые заметки», получивший высокую оценку патриарха Иерусалимского Дамиана, который наградил автора своей «патриаршей грамотой». События октября 1917 года сделали пребывание в России невозможным, и он, получив в июне 1920 года разрешение командования, оформляет загранпаспорт для следования в Сербию и Чехословакию. Впоследствии попадает в парижскую русскую эмиграцию. Высокий духовный потенциал в соединении со знанием библейской истории и завидной наблюдательностью позволил Г. М. Добролюбову за время его путешествия по Палестине не только увидеть около 150 памятников и реалий, но и ярко описать их своеобразие, нарисовать живые картины палестинского быта. Общественные заслуги Г. М. Добролюбова во Франции были отмечены в 1954 году орденом Почетного легиона. Он надеялся на перемены и возвращение в Россию, но дожить до наших дней было не суждено¹⁴.

Г. М. Добролюбов по-военному четко описывает увиденное: «Гефсиманский сад имеет форму четырехугольника длиной не больше 70—80 шагов и принадлежит французскому ордену. Он окружен невысокой стеной. Здесь отмечены места, где св. Петр и св. Иаков заснули. Отмечено и место моления о чаше и где Иисус Христос получил поцелуй Иуды. В Гефсиманском саду восемь очень древних оливковых деревьев, расколотых временем и укрепленных у основания цементом. Возраст этих деревьев, говорят, больше 2000 лет, но каждый год они до сих пор цветут, и оливковое масло, приготовленное из их маслин, ценится очень дорого. Из их косточек делаются четки»¹⁵.

Перед Первой мировой войной в Палестине побывала небольшая группа епископов-старообрядцев из России. Поклонившись месту Вознесения Спасителя («Стопочке»), они проследовали в Гефсиманский сад: «Место это принадлежит теперь католикам и изменено ими до неузнаваемости. Той простоты и естественности, какую бы хотелось видеть, исходя из евангельских сказаний, далеко нет: сад весь разбит на правильные тропинки, усыпанные песком, между которыми пестреют клумбы цветов, как будто перед вами — сад для общественных гуляний, но никак не место величайшего события христианской истории. И только восемь старых масличных деревьев, с корявыми, необхватной толщины, стволами и тощей седой листвой остались свидетелями того, когда Сын Божий, в ночной тишине, в томлении духа и плоти, возносил к Небесному Отцу свои молитвы. Седые великаны слышали тоскующие вздохи Богочеловека, видели Его кровавый пот и, пораженные страхом величайшего смирения Сына Божия, как бы застыли в немом ужасе, совершенно не замечая, что над ними пролетели тысячелетия...»¹⁶

Здесь имеется восемь маслин исключительно громадной толщины. Две из них достигают в обхвате у основания шести метров. Говорят, что во время турецкой оккупации Иерусалима эти восемь маслин освобождались от обложения налогом на том основании, что они давали плоды еще при первом магометанском завоевателе Иерусалима халифе Омаре, то есть в 637 году. Известно, что олива — долговеч-

¹⁴ Добролюбов Г. М. Путевые заметки (по Святым местам Палестины) // Палестинский сборник, вып. 32 (95). СПб., 1993. С. 100. Предисловие.

¹⁵ Указ. соч. С. 105.

¹⁶ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 119—120.

ное дерево. При правильном уходе за ней и обрезке ее ветвей она может жить тысячелетия. Поэтому вполне возможно, что в этих гигантах мы видим отпрыски Гефсиманского сада — где молился Христос, — тщательно оберегаемые в течение тысячелетий заботливыми руками людей, которым дорого было самое место этого сада; оливы заботливо оберегаются и теперь.

В 1919—1924 годах католики, владевшие местом «Моления о чаше», воздвигли над ним так называемый «Храм всех наций» (15 католических государств участвовали в его украшении)¹⁷. В записках паломницы-эмигрантки Александры Гавриловой, в 1945—1947 годах посещавшей Святую Землю из соседнего Египта, излагается история современного «храма всех наций», как она ее слышала от русских старожилов Иерусалима.

С давних пор, в этом месте Гефсимании стоял каменный столб. Православные греки часто вели споры и даже ожесточенные схватки со всеми, кто пытался удалить или даже только переместить этот столб. Знали они, что в Палестине столбом всегда отличалось всякое чем-либо замечательное место и даже доселе межа поля, раздел между соседями и пр. отмечается кучей камней в виде столбика. В последнее время поле это с оливковыми деревьями на нем, и теперь везде растущими по склонам Елеона, принадлежало одному арабскому семейству, которое категорически отказывало в продаже своего поля не христианам. Архимандрит Антонин, собиратель русских святынь в Палестине — археолог, Божией милостью, и большим опытом (по своему предыдущему служению в Греции), обратил внимание на этот участок и хотел купить его. Но хотя Россия была самой щедрой жертвовательницей на Св. места, специальных фондов для покупок не имелось. Архимандриту Антонину надо было как-то достать известную сумму. Наутро ему обещали устроить. А ночью католики откупили эту землю, может быть, предложив и больше. «Им что? объяснили мне, — у них всегда деньги готовы. Папе римскому средства идут из многих стран, а всем здешним православным шли почти исключительно из России»¹⁸.

При постройке настоящего храма были обнаружены остатки прежнего, а под ними, по плану в несколько ином направлении, следы другого, еще более древнего храма. Среди новой мозаики пола можно видеть целыми кусками прекрасно сохранившуюся великолепную древнюю мозаику. Была обнаружена также внешняя стена алтаря полукруглой формы — типичной для всех базилик и храмов свв. Константина и Елены (и последующей эпохи). Эта стена вошла в стену настоящего алтаря, и паломники могут осмотреть и коснуться ее. Над алтарем новая прекрасная мозаичная картина «Моления о чаше» в натуральную величину. Перед алтарем обнесенный низкой чугунной оградкой камень плоская скала — место Моления...¹⁹

Перед алтарем за преградой в виде квадрата около 3х3 м выступает неровная поверхность природного каменистого грунта Гефсиманского сада, напоминающая нам, что где-то здесь, на таком же грунте Христос «пал на землю и молился» (Мрк. 14, 35, ср. Мф. 26, 39) «и находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 44).

В записках немногочисленных паломников русского зарубежья, посещавших Елеон, упоминается об этом величественном храме. Одним из таких богомольцев, побывавшим здесь в 1936 году, был А. П. Ладинский; для своих читателей он поясняет смысл названия *Гефсимания*: «Впереди, в кипарисах, поднимающихся к небесам,

¹⁷ В записках некоторых паломников неточно упоминаются 12 католических государств.

¹⁸ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 35.

как пламя черных свеч, в серебристо-голубоватых оливах, стоит Гефсимания. Гефсимания по-еврейски значит — «масличные точила». Здесь во времена Христа стояли прессы, на которых давили оливки из окрестных оливковых садов, и здесь же разыгралась та драма одиночества, покинутости и обреченности, что известна нам под именем Моление о чаше»²⁰.

И вот Ладинский у подножия Елеона; перед ним предстала величественная картина: «На месте древних базилик стоит пышный храм францисканцев, сих «кустодиев» святых мест для римского престола. Повыше русская церковь св. Магдалины, построенная императором Александром III, с пятью золочеными луковичами, тоже в зелени черных кипарисов»²¹.

Перед мысленным взором русского автора разворачивается евангельская история двухтысячелетней давности.

Трогательнее, чем торжественная мозаика и колонны францисканского храма и великолепие золотых лукович, все то, что окружает это место — простые камни, щебнистые тропинки, кипарисы и оливы. В саду у францисканцев стоят восемь древних олив. Даже ботаники склонны, кажется, признать, что им более двух тысяч лет, этим гигантским корявым корневищам в несколько обхватов. Каким-то чудом время пощадило драгоценные деревья. На них еще зеленые ветви, а на ветвях плоды, может быть, самые древние плоды на земле. Может быть, в тени одного из этих деревьев сидел Христос, а «на вержение камня» спали апостолы, и звезды, пушистые и огромные, сияли на бархатном небе, и вдруг появились среди черной зелени сада багровые факелы, сад наполнился дымом и человеческими голосами и от этого шума перестали петь кузнечики. Отняв руки от измученного лица, Христос сказал: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня»... Прошло две тысячи лет с той ночи, а до сих пор слышится эта горькая интонация прекрасного голоса, и потрескивание факелов, и грубые окрики, и топот ног, когда схваченного, как разбойника, повели вниз, в город, мимо масляных точил. Я видел такие точила на раскопках в Библосе — сохранившиеся почти в полной целости от римских времен — каменные круглые прессы, стоки для масла, огромные глиняные сосуды в небольшом, кое-как сложенном из камня помещении. Как, вероятно, они пахли по ночам маслом, пахучим палестинским маслом!..²²

Среди немногих русских эмигрантов, посещавших Святую Землю, были паломники, обладавшие литературным даром. К их числу относится Александра Гаврилова, автор книги «Записки паломницы (1945–1947 гг.)» (Джорданвилль, США, 1968). Во время своего первого приезда в Иерусалим (1945 г.) она уделила Гефсиманскому саду несколько строк: «Сад Гефсиманский — это склон горы Елеонской, обращенный к городу. Здесь было моление о чаше. В чудесном католическом храме — камень, обнесенный оградкой, на котором молился Христос. А вне храма, в ограде, за алтарем — камни, на которых уснули ученики. Очень похожи! они и теперь располагают прилечь, присесть: беловатые, почти отшлифованные. При дороге, в нише ограды, зацелованный кусок каменного столба — этим камнем издавна было отмечено место моления о чаше. Этот Гефсиманский сад — Оливковый сад, был когда-то злостно вырублен и при храме осталось только восемь деревьев, произросших от корней старых».²³

²⁰ Ладинский А. П. Путешествие в Палестину // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 239.

²¹ Там же. С. 239.

²² Там же. С. 239–240.

²³ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945–1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 11.

Во время своего очередного паломничества в Святую Землю в записках Александры Гавриловой появляются такие строки: «Почти двадцать веков должно было прожить человечество, чтобы узнать, что и у простого смертного в минуты тяжелых душевных страданий может выступать на лице и на лбу кровавый пот. При постройке современного храма, по-видимому, соблюдались план и некоторые другие особенности древнего, храм очень темный; сопровождающий монах всегда зажигает электричество. В садике перед храмом восемь старых оливковых деревьев — остатки того сада Гефсиманского, в котором молился Христос и был схвачен после предательства. Во время своих паломничеств в Палестину, я часто ходила пешком в Гефсиманию. Проходя мимо храма Моления о чаше, всегда заходила в него»²⁴.

В 1947 году Страстная неделя пришлось после католической Пасхи, и Александра Гаврилова особенно любила тогда заходить в пустующий храм.

«Однажды, войдя в притвор, увидела по обыкновению молодого, тихого католического монаха, который всегда присутствовал там; он хотел что-то сказать мне и не решался, — вспоминала Александра Гаврилова. — Пройдя в полутемный храм и еще ничего не видя, со света, я поняла, что хотел сказать мне монах: весь храм был наполнен придавленными, но очень слышными в пустоте, рыданиями и тяжелыми вздохами. Присмотревшись, я различила человеческую фигуру, распростершуюся на самом камне агонии: лицом вниз, руки крестом... И вдруг, среди приглушенных рыданий, я ясно различила стон: — «Боже мой!» — по-русски. Я поспешно вышла из храма — зайду на обратном пути. О чем молилась, в чем каялась эта страждущая душа? Какую скорбь изливала она на этом месте? Прости ей, Господи! Помоги ей!»²⁵

В 1952 году в Иерусалим из Нью-Йорка прибыл епископ Серафим (РПЦЗ). Его записки о «храме всех наций» довольно краткие: «Сразу у дороги, у подножия горы Елеонской, под нашим русским участком, расположен католический монастырь. Храм его имеет 12 куполов. Он совсем недавно построен на деньги, собранные в 12 государствах. Внутри храма устроена искусственно вечная ночь. За низкой каменной оградой находится большой плоский камень, а за ним фигура молящегося Господа, освещенная немногими лампадами, а, может быть, и рефлекторами»²⁶.

«Поздним вечером пошли пройтись по Гефсиманскому саду, — продолжает владыка Серафим. — Была дивная лунная ночь. Полная тишина. Монастырь спит. Мы одни в саду, в том самом саду, где так любил проводить молитвенно ночи наш Господь. Пусть все деревья новы, — рельеф горной местности ведь тот же самый, камни те же. Поднимаясь все выше и выше на Елеонскую гору, мы, наконец, выбрались из сада. Чудный вид открылся нам. Как на ладони, велик святой город, освещенный мягким лунным светом. Огни в старом городе почти все потушены, а новый позади него лежащий город, принадлежащей ныне Израилю, весь в огнях: белых, красных и зеленых. Город явно живет ночной жизнью больших европейских или американских городов. Два мира рядом. Картина редкостная и знаменательная: мир духа и мир материи»²⁷.

В конце 1950-х годов в Святой Земле побывала группа русских паломников-эмигрантов из Франции. Приближаясь к Елеонской горе, они увидели «храм всех наций», а рядом с ним — Гефсиманский сад: «На восток от часовни св. Стефана у самой дороги высится монументальный фронтон базилики францисканцев, расположенной у подножия горы, на месте предания Спасителя Иудею. Отсюда начинается Гефсиманский сад и продолжается вверх по склону горы. Предполагают, что сад

²⁴ Там же. С. 37.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 55.

²⁷ Там же. С. 115.

этот принадлежал кому-нибудь из друзей Спасителя (может быть, апостолу Иоанну Богослову?), потому что Господь так свободно посещал его, проводя «ночи на горе Елеонской» (Лк. 21, 37), проповедуя там кончину мира; наконец, уединившись там для последней предсмертной молитвы в ночь предания. «И вышедши (с Тайной вечери), пошел, по обыкновению на гору Елеонскую... за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его» (Лк. 22, 39; Иоан. 18, 1)»²⁸.

И еще несколько строк о «храме всей наций»: «На месте предания (Спасителя под стражу. — А.) был храм, где и читалось в Великий Четверг соответственное место из Евангелия, как свидетельствует Сильвия. Христиане, строившие здесь храм около 9 века, обнаружили фундамент и мозаики 4-го века. В настоящее время большая базилика францисканцев, построенная с помощью 12 европейских государств, стоит на месте предания. В ней огорожен перед престолом камень; стены украшены мозаикой. В окна вставлено синее стекло, так что в базилике пребывает вечная ночь — Гефсиманская ночь...»²⁹

Подробное описание интерьера базилики приводит известный современный палестиновед Н. Н. Лисовой в своей книге «Святая Земля: история и наследие (М.: СПб., 2015).

Базилика Гефсиманской Молитвы воздвигнута над подлинным камнем, который прожег Иисус в последнюю Свою земную ночь молитвенными слезами и каплями кровавого пота... Лишь постепенно проясняются, проступают из полумрака другие элементы церковного убранства. Камень Иисусовой молитвы — Моления о чаше, как называют этот сюжет в мировом искусстве, окружен низенькой железной решеткой, сплетенной в форме тернового венца. Дополнительный символ жертвенности и беспомощности Невинного Страдальца, взявшего на Себя грех мира и ужас смерти, — две белые голубки по углам решетки, будто запутавшиеся в терновнике и обреченные на медленную гибель.

Большая мозаика над алтарем изображает тот же кусок скалы с простертым на нем в изнеможении Спасителем. В самом верху видна рука Бога Отца, несущего знак победы, — в уверение того, что Христос не до конца оставлен Отцом. Ниже спускается с небес посланный утешить скорбящего Ангел. Художник Д' Акьярди сумел создать мозаичную икону предельной красоты и пронзительности. Лицо Иисуса явственно отражает не только глубокую печаль, но и почти недоумение, даже отчаяние. Как пишут искусствоведы, это действительно произведение «великого мастерства и религиозного вдохновения». Оказывается, мозаики XX в. умеют не хуже классических византийских и средневековых передавать тончайшие оттенки, которым нет равных по выразительности ни в каком другом материале. Главный алтарь, с его максимально смягченным светом, проходящим сквозь пурпурные фильтры, является напоминанием и символом той «молитвы до кровавого пота», о которой сказано в Евангелии. Мозаики двух боковых нефов изображают другие важнейшие моменты Гефсиманского действия: предательство Иуды и добровольный выход Христа навстречу толпе: «Вот Я!»

Продвигаясь затем — как бы «обратным ходом» — от алтарной части внутрь церкви, мы в деталях увидим, как старательно и умело воссоздает архитектор атмосферу ночной мистерии. Шесть монолитных колонн поддерживают свод, устроенный в форме 12 малых куполов, — по числу 12 апостолов, — и каждый из них «увит» ветвями маслин и мерцает звездами на фоне ясного ночного неба. Сквозь алавастровые окна, просвечивающие, но не прозрачные, свет проникает только почти совсем фиолетовый — литургического цвета, цвета молитвы и покаяния...³⁰

²⁸ Святая Земля. Париж, 1961. С. 78.

²⁹ Там же. С. 47.

³⁰ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.: СПб., 2015. С. 182.

Базилика Гефсиманской Молитвы была освящена в июне 1924 года. Это было самое начало творческой биографии А. Барлуцци. Соединение древности и современности, архитектурной традиции и инновации было одним из творческих принципов Антонио Барлуцци. Так поступил он и здесь, в Гефсимании, — остатки древнего пола сохранены под матовыми стеклянными крышками, а мотивы римского атриума и текущей воды отражены в оттенках белого и зеленого мрамора³¹.

Базилику Гефсиманской Молитвы называют в Иерусалиме «Церковью всех наций», потому что верующие почти всего католического мира приняли участие в ее убранстве и украшении. Имеется в виду финансирование исключительно затратоемких художественных работ по мрамору, кованому металлу, золотой мозаике. Так, например, центральная мозаика выполнена художником Д' Акьярди. Но оплачена эта грандиозная работа — во всю алтарную стену — и материалы для нее католиками Венгрии. Мозаики боковых нефов — южного, изображающая «Поцелуй Иуды», и северного, с сюжетом «Взятия Христа под стражу» — выполнены художником М. Барберини, а оплачены, соответственно, Ирландией и Польшей. Мозаики в 12 куполах финансировались католическими общинами Англии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Германии, Испании, Италии, Канады, Мексики, Франции, США, Чили и несут на себе гербы соответствующих стран. Терновый венец вокруг алтарного Камня выполнен на средства далекой Австралии. Итого 15 держав. «Когда вознесусь, — говорил Спаситель, — всех привлеку к Себе»³².

**И. Н. МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ // Сборник духовных
стихотворений, посвященных в честь Спасителя.
М., 1909. С. 13—18.**

День ясный тихо догорает;
Чист неба купол голубой;
Весь запад в золоте сияет
Над иудейскою землей;
Народа шумом оживленный,
Лежит святой Иерусалим.
Стеною твердой окруженный;
Вдали Гевал и Гаризин,
Темнеет... всюду тишина...
Вот ночью вспыхнули светила, —
И ярко полная луна
Сад Гефсиманский озарила.
В траве под ветвями олив,
Сыны Божественного Слова,
Иерусалима шум забыв,
Спят три апостола Христовы.
Их сон спокоен и глубок;
Но тяжело спал мир суровый:
Веков наследственный порок
Его замкнул в свои оковы,
Но час свободы наступал —
И, чуждый общему позору,

³¹ Там же. С. 183—184.

³² Там же. С. 183.

Посланник Бога в эту пору
Судьбу всемирную решал.
За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел Он
И, чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко:
«Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, как Твой Сын страдает, —
О, подкрепи Меня, молю.
Моя душа изнемогает!
День казни близок; он придет,
На жертву отданный народу,
Твой Сын безропотно умрет,
Умрет за общую свободу...
О, да минует чаша эта,
Мой Отче, Сына Твоего!
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!
Но, не Моя да будет воля,
Да будет так, как хочешь Ты!
Тобой назначенная доля
Есть дело всякой правоты.
И если Твоему народу
Позор Мой благо принесет, —
Пускай за общую свободу
Сын человеческий умрет!»
Молитву кончив, скорби полный,
К ученикам Он подошел.
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: «Встаньте, часть пришел.
Оставьте сон свой и молитесь,
Чтоб в искушение вам не впасть,
Тогда вы в вере укрепитесь
И с верой встретите напасть».
Сказал — и тихо удалился
Туда, где прежде плакал Он,
И той же скорбью возмущен,
На землю пал Он и молился:
«Ты, Отче, в мир Меня послал,
Но Сына мир Твой не приемлет:
Ему любовь Я завещал,
Моим глаголам он не внимлет;
Я был врачом его больных,
Я за врагов Моих молился, —
И надо Мной Иерусалим,
Как над обманщиком, глумился!
Народу мир Я завещал, —
Народ судом Мне угрожает.
Я в мире мертвых воскрешал, —
И мир Мне крест приготовляет!..

О, если можно, от Меня
Да мимо идет чаша эта!
Ты Бог любви, начало Света,
И все возможно для Тебя!»
И взор, в тоске невыразимой,
С небес на землю Он низвел
И снова, скорбью томимый,
К ученикам Он подошел.
Но их смежившиеся очи
Невольный сон отягощал;
Великой тайны этой ночи
Их бедный ум не постигал.
И стал Он молча, полный муки,
Чело высокое склонил
И на груди святыя руки
В изнеможении сложил.
Что думал Он в минуты эти?
Как человек и Божий Сын,
Подъявший грех тысячелетний, —
То знал Отец Его Один;
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
В Его груди была тогда;
И вот опять Он удалился
Под сень смоковниц и олив,
И там, колена преклонив,
Опять Он плакал и молился:
«О, Боже Мой! Мне тяжело!
Все человеческое зло
На Мне едином тяготеет.
О, не оставь Меня в борьбе
С Моею плотию земною,
И все угодное Тебе,
Тогда да будет надо Мною,
Молюсь, да снидет на Меня
Святая сила подкрепленья,
Да совершу с любовью Я
Великий подвиг примиренья!»
И руки к небу Он подъял,
И весь в молитву превратился,
Огонь лицо Его сжигал,
Кровавый пот по Нем струился.
И вдруг с безоблачных небес,
Лучами света окруженный,
Явился в сад уединенный
Глашатай Божиих чудес.
Был чуден взор его прекрасный,
И безмятежно и светло
Одушевленное чело,

И лик сиял, как полдень ясный:
И близ Спасителя он стал
И, речью свыше вдохновленный,
Освободителя вселенной
На славный подвиг укреплял;
И сам, подобный легкой тени,
Но полный благодатных сил,
Свои воздушные колени
С молитвой пламенной склонил.
Вокруг молчало все глубоко:
Была на небе тишина, —
Лишь в царстве мрака одиноко
Страдал бесплодно сатана.
Виновник зла, он понимал,
Кто был Мессия воплощенный,
О чем Отца Он умолял.
Поднявшись тихо, небожитель
Летел к надзвездным высотам, —
Меж тем всемирный Искушитель
Опять пришел к ученикам.
И в это чудное мгновенье
Как был Он истинно велик,
Каким огнем одушевленья
Горел Его прекрасный лик!
Ученики, как прежде, спали,
И вновь Спаситель им сказал:
«Вставайте, близок день печали,
И час предательства настал...»
И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил.

Щукин Николай. В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ //
Свет Невечерний. Брюссель, 1963. С. 18—19.

Посеребренный лунным светом,
Спал Гефсиманский, мирный сад.
Дышала ночь весны расцветом,
Цветов струился сладкий чад...
Как часто здесь в тени оливы,
Смотря на ближние холмы,
Учил Христос. Неторопливы
Слова звучали, как псалмы.

Теперь, скорбя душой смертельно,
Сюда пришел Он для молитв,
Один пред мукой беспредельно
В тоске духовных, тайных битв.

Двенадцать спят: труды, дороги,
Печаль смежили им глаза.
Сердца людей в любви убоги,
И мимолетна их слеза...

И, отойдя в молитв горенье,
Он обращался на восток,
С чела, склоненного в боренье,
Пот кровью падал на песок...
Но льется факелов багрянец,
Звучат шаги из синей мглы,
Теней зловещих ближе танец,
Ожили темные углы.

И, встав, Он будит спящих снова —
Душа Моя к нему готова,
«Вы спите все! Но вот Мой час!
Но скорбь его во Мне сейчас».
«Будь рад, Равви!» — дал знак Иуда.
Христос врагами окружен.
Быть может, ждал предатель чуда,
Святым лицом заворужен...

«Ты предаешь Меня лобзаньем!»
В Иуде жалость — мучит стыд.
Под дымных факелов мерцаньем
Стоит, толпой кричащей скрыт...
«А вы? Не с вами ль был Я в храме,
Целя и души, и тела?
Пришли вы взять за те дела?»
Ученики бежали в страхе.
Лишь Петр, таясь, шел за толпой.
Сад вновь тонул в душистом мраке,
Одетый ночью голубой.